

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН КАК ИНСТИТУТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются три новые тенденции в развитии свободных экономических зон как институтов инновационной экономики: смена базы конкурентных преимуществ, изменение видовой структуры и трансформация зон в инновационные кластеры. Показывается, что социальные последствия этих тенденций проявляются в размывании характеристики зон как особого режима, регулирующего использование рабочей силы, в смещении акцента в привлечении инвестиций в пользу инвестиций в человеческий капитал, в новой социально-экономической роли знания как производительной силы.

Постановка проблемы

Проблемы развития специальных экономических зон (СЭЗ) всегда активно обсуждались экономической наукой. Однако вектор дискуссий, на наш взгляд, был направлен главным образом на вопросы привлечения иностранных инвестиций, заимствования современных технологий, формирования особого таможенного и налогового режима¹. В меньшей степени обсуждались вопросы социального развития, и прежде всего отношений между трудом и капиталом². Сегодня эти вопросы заслуживают большего внимания. Причина – стремление придать зонам принципиально новый статус, встроив их в систему институтов инновационной экономики.

Трансформация зон в институты инновационной экономики неразрывно связана с новыми тенденциями в развитии зон. По нашему мнению, можно выделить следующие тенденции, которым дадим условные «рабочие» названия. Первая тенденция – смена базы конкурентных преимуществ СЭЗ. Вторая – изменение видовой структуры зон. Третья – трансформация зон в инновационные кластеры. Каждая из этих тенденций имеет специфические социальные аспекты.

Смена базы конкурентных преимуществ

На наш взгляд, на рубеже XX и XXI веков появились признаки революционного для судеб СЭЗ процесса – процесса смены

базы конкурентных преимуществ. До недавних пор эта база во многом формировалась извне, то есть за счет преференций, предоставляемых центральными органами власти.

Смена базы конкурентных преимуществ – это уменьшение преимуществ, предоставляемых государством в виде разного рода преференций, и прежде всего налоговых льгот. Поэтому данная тенденция и проявляется, и может быть названа как «разльготизация» зон.

Насколько значимы эти льготы и преимущества сегодня? Исследуем этот вопрос на примере китайского опыта. По нашим расчетам, налоговая нагрузка в китайских зонах в среднем примерно в два раза ниже средней по стране. Такую оценку можно сделать, если сравнить долю продукции промышленного производства зон – 6% с долей зон в сборе налогов – 2,9% [3, с. 7]. Однако во многом благодаря именно этому разрыву доля зон в привлечении иностранных инвестиций составляет 15% от иностранных инвестиций во всем Китае. И вот теперь привлечение иностранных инвесторов за счет льгот поставлено под вопрос. Тенденция к свертыванию преференций стала набирать силу еще с середины 1990-х годов [2, с. 236]. В связи с этим возникает немало вопросов. Почему стала возможной сама постановка проблемы смены базы конкурентных преимуществ за счет деформатизации льгот? Как эта деформатизация обеспечивается? Что взамен преференций? Это новая стратегия или временный тренд, вызванный случайными факторами?

¹ Примером может служить название и содержание одной из последних работ, посвященной проблемам развития особых экономических зон в России: Рыбаков С.А. Особые экономические зоны в России. Налоговые льготы и преимущества / С.А. Рыбаков, Н.А. Орлова. – М.: Вершина, 2006. – 248 с.

² Одной из наиболее интересных работ в этом направлении является исследование китайских авторов: Пи Цяншен, Ван Кай. Опыт китайских зон технико-экономического развития / Пер. с кит. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 486 с.

Сама постановка проблемы «преференций для зон» стала возможной, потому что сохранение льготного формата – это сохранение неравенства возможностей, обострение неравномерного развития регионов, нарастание конфликта интересов центральных и местных органов власти, а в конечном итоге – нарастание глубинных системных противоречий.

Какими могут быть возможные социальные последствия лишения зон преференций? Для ответа на этот вопрос следует учесть и другие объективные процессы, происходящие в зонах и определяющие их жизненный цикл. Наиболее значимый из этих процессов – неизбежный подъем уровня доходов и стоимости рабочей силы в зоне. Он ведет к потере инвестиционной привлекательности зоны. Так, по расчетам японского экономиста Вакасуги повышение ставок заработной платы китайских работников на 1% снижает вероятность выбора японским капиталом данного региона для инвестиций на 0,42% [8, с. 405]. Поэтому можно предположить, что с лишением зоны преференций и с ростом стоимости рабочей силы жизненный цикл зоны может быть закончен.

Каким образом достигается снижение налоговых льгот? Во-первых, через автоматическое «самоупразднение» – после истечения установленного срока действия они не возобновляются. Во-вторых, через распространение льгот для предприятий с иностранными инвестициями не только на предприятия, находящиеся в зонах. Решению проблемы налогового неравенства будет способствовать и курс на снижение темпов роста числа зон вплоть до прекращения такого роста.

Какими могут быть ответы на вызовы времени? Что взамен льгот? Ответ видится в переходе от конкурентоспособности, которая основана на льготах, к комплексной конкурентоспособности. Это конкурентоспособность, основанная не на дешевых трудовых и природных ресурсах, а на высокотехнологических процессах, организационных и экономических инновациях, позволяющих эффективно производить наукоемкие товары.

Это смена базы конкурентных преимуществ. Ее результат – развитие зон как институтов инновационной экономики.

Социальный аспект смены базы конкурентных преимуществ видится в том, что формирование новой базы конкурентных преимуществ вынуждает капитал снимать ограничения на социальную защиту трудящихся, возобновлять ранее приостановленное действие трудового законодательства в части фиксирования минимальной зарплаты и максимальной продолжительности рабочего дня. Это означает отказ от дополнительной прибыли, связанной с использованием дешевой рабочей силы, в силу возможности получить более высокую дополнительную прибыль, связанную с использованием дорогой высококачественной рабочей силы³. Такая отличительная черта СЭЗ, как «особый режим, регулирующий использование рабочей силы» [5, с. 473], на наш взгляд, все больше и больше размывается.

Но могут ли традиционные промышленно-производственные и экспортно-производственные зоны обеспечить формирование новой базы конкурентных преимуществ и отказаться от использования дешевого труда? Ответ скорее отрицательный, и такой ответ подтверждает следующая тенденция – изменение видовой структуры зон не в пользу упомянутых традиционных зон.

Изменение видовой структуры зон

Под видовой структурой зон мы будем понимать соотношение их организационно-функциональных форм. Многообразие этих форм определяет содержание первого этапа анализа видовой структуры зон. На этом этапе необходимо уточнить и по возможности привести к единому знаменателю терминологический инструментарий анализа. Проблема в том, что с понятием «зона» возможно использование как минимум трех десятков разных прилагательных.

Однако, несмотря на видовое многообразие СЭЗ, нет необходимости содержательно определять каждый вид в отдельности. Это уже сделано по отношению к таким обобщен-

³ В качестве примера можно привести одну из наиболее известных СЭЗ в мире – китайскую зону Шэньчжэнь. Ее развитие сопровождается все более активным использованием достижений научно-технического прогресса, что в корне отличается от модели развития, опирающейся только на дешевую рабочую силу и приток иностранного капитала. Квалификация и стоимость рабочей силы в зоне вышли на новый уровень, намного опередив средний показатель по стране.

ным формам специальных зон, как зоны свободной торговли, оффшорные зоны, зоны экспортного производства, туристические зоны. Но не в полной мере сделано по отношению к такой особой группе зон, которая еще и не получила единственного устоявшегося названия. Речь идет о развитии технико-внедренческих зон, технико-экономических зон, зон развития высоких технологий, технополисов. Здесь и возможны, и необходимы уточнения, которые мы и будем делать по ходу нашего анализа. На данном этапе исследования ограничимся следующим.

В мировой экономике при анализе зон, входящих в эту особую группу, выделяют такой их конституирующий базовый элемент, как парки – исследовательские, научные, технологические, технико-внедренческие, инкубаторные, инновационные. Отличия между ними видят в разном расположении парков на оси «университет – серийное производство», то есть в разной степени связи парков с университетами, научно-исследовательскими центрами, с одной стороны, и производством, бизнесом – с другой стороны. Хотя для многих исследователей это отличие не принципиально, и они считают, что все виды парков объединяет локальная агломерация университетской науки и наукоемкого бизнеса. Независимо от названия технопарк представит как выступающая во многих формах территориально-функциональная интеграция науки и бизнеса, исследований и производства, как конституирующий элемент особой экономической зоны, на территории которой разрабатывают наукоемкую продукцию, получают качественно новое образование и создают технико-внедренческие механизмы.

Принципы организации парков очень схожи с порядком образования экспортно-производственных зон – та же территориальная и экономическая обособленность, государственная поддержка в виде финансовых и налоговых льгот, экспортная ориентация. Основное отличие заключается в том, что в экспортно-производственных зонах создается производство крупносерийное, а в парках

– экспериментальное, мелкосерийное производство принципиально новой наукоемкой продукции. Если экспортно-производственные зоны создаются вблизи крупных транспортных узлов, то научно-промышленные парки организуются рядом с университетами, исследовательскими институтами, научными центрами.

Экспортно-производственные зоны пока остаются наиболее распространенным типом зон. Но ситуация меняется. Переход к неценовым факторам конкурентоспособности товара, повышение спроса на наукоемкие товары отразились на характере деятельности экспортно-производственных зон. Многие из них начали трансформироваться в парки, а вновь создаваемые зоны образуются в форме парков. Поэтому процесс изменения видовой структуры зон выступает как процесс исчерпания потенциала зон экспортного производства.

Социальные аспекты трансформации видовой структуры зон видятся в том, что работникам в сфере наукоемкого производства требуется длительная профессиональная подготовка. Им необходимо проходить переподготовку. Возникает потребность не только в привлечении высококвалифицированных специалистов, но и в подготовке местных высококвалифицированных кадров⁴. Эти обстоятельства постоянно и неуклонно смещают акцент в привлечении инвестиций: от инвестиций в развитие материально-технической базы производства в пользу инвестиций в человеческий капитал. Данный акцент в наибольшей степени проявляется в третьей новой тенденции развития зон – тенденции трансформации их в инновационные кластеры.

Трансформация зон в инновационные кластеры

При падающей эффективности действующих традиционных зон они продолжают выполнять определенные, в том числе инновационные, функции. Их радикальное разрушение может иметь негативные последствия для национальной экономики. Поэтому не-

⁴ Данная проблема характерна для многих СЭЗ. Примером ее успешного решения является зона Шэньчжэнь, в которой удалось эффективно решить проблему нехватки высококвалифицированных кадров путем создания системы, сочетающей в себе привлечение кадров извне и подготовку специалистов своими силами. В то же время китайский опыт развития зон не следует переоценивать [1, с. 135, 151]

обходимо либо их постепенное замещение институтами нового типа, либо их встраивание в новую систему.

Есть все больше оснований считать, что оптимальным является вариант «встраивания» старых институтов в новую систему поддержки инновационной активности. Анализ опыта этих стран позволяет определить инновационный кластер как целостную систему не только новых продуктов, но и инновационных технологий. Они сконцентрированы в определенном экономическом пространстве и в определенном отрезке времени. Они делают невозможным развитие экономики в традиционном направлении. Инновационный кластер – это взаимодействие университетов и научно-исследовательских институтов, старых крупных промышленных и инновационных малых предприятий.

Пример такого взаимодействия дает Республика Корея. Процессы кластеризации начались фактически одновременно с созданием свободных промышленных зон – специальных промышленных районов. Поскольку их строительство проходило согласно пятилетним планам, их стали называть плановыми или системными индустриальными зонами. Правительство определило и комплекс различных проектов инновационной направленности для этих зон.

В начале 90-х стало очевидно, что реализация большинства из этих проектов оказалась unsuccessful. Кардинального повышения инновационной активности в южнокорейской экономике не произошло. Политику по отношению к инновационному сектору было решено изменить. Во-первых, через создание технопарков в рамках этих плановых зон. Во-вторых, за счет усиления преференций, в том числе весьма необычных. Например, иностранные инвесторы получили льготные условия обеспечения их электричеством, водой, транспортной инфраструктурой, связью, складскими помещениями.

Итоги первого этапа реализации проекта технопарков показали, что они стали важным институтом развития инновационной экономики. В то же время подведение его итогов позволило выделить и ряд новых проблем и своего рода изъянов проекта. Среди

них, во-первых, чрезмерная внешняя, то есть «льготная», составляющая в источниках конкурентных преимуществ. Во-вторых, несбалансированность инновационного уровня экономического развития между столицей и другими регионами. Для решения этой проблемы было решено изменить саму концепцию развития технопарков.

И парки, и принадлежащие им районы стали рассматриваться как юридические лица, состоящие из специализированных компаний с развивающейся структурой внутренних взаимодействий. Их цели были переопределены в контексте региональной научно-исследовательской системы. Иницирующая роль была отведена научно-образовательным структурам, катализирующая – малым предприятиям, передаточная – крупным компаниям.

В результате в последние годы Республике Корея удалось реализовать стратегию встраивания, то есть сформировать динамичные инновационные кластеры вокруг университетов, расположенных в границах старых промышленных агломераций.

Прежде всего кластер характеризует территориальная локализация основной массы предприятий – участников кластера. Еще Портер описал тенденцию концентрации наиболее конкурентоспособных в международных масштабах предприятий одной отрасли не только в одной стране, но даже в одном и том же регионе страны [6, с. 39, 75-76]. В основе этой тенденции – достижение одной или несколькими фирмами высокой конкурентоспособности и распространение ими своего влияния на ближайшее окружение.

Взаимодействие научно-образовательных структур – университетов и НИИ, в том числе государственных, инновационного малого бизнеса и крупных промышленных предприятий – ключевая характеристика кластерной зоны как института инновационной экономики.

На пути трансформации зон в инновационные кластеры можно выделить три этапа. Первый – начальный этап, когда в 60-е годы прошлого века возникло большинство научных парков на их родине в США и появились зачаточные их формы в Великобритании, Франции и ФРГ. С 80-х годов идет

собственно кластерный этап, этап формирования второго поколения технопарков, отличительной особенностью которого стала кластеризация новых научно-производственных комплексов. В рамках кластерного этапа можно выделить бластерный этап (*bluster* – шуметь, неистовствовать), который, по нашему мнению, развивается с начала XXI века, когда стали появляться бластеры как конгломераты науки, бизнеса и индустрии вокруг товаров, не имеющих аналогов.

Социальные аспекты трансформации зон в инновационные кластеры видятся в новом более заинтересованном отношении капитала к инвестициям в образование. Результат такого отношения – повышение социально-экономической роли знания в двух аспектах: технологическом и информационном. Технологический аспект – это знания технологии, технические знания, или, если использовать популярное во всем мире выражение, – «ноу-хау». Информационный аспект – это знания свойств или качеств того, что составляет экономическую картину мира: явлений, процессов, институтов.

При трансформации зон в инновационные кластеры возникает проблема «перелива» образования в знание как производительную силу. Такой «перелив» не может быть автоматическим по трем причинам. Первая – качество образования. Вторая – использование потенциала работников, получивших качественное образование, что представляется проблематичным в условиях, например, зарегулированности рынка труда в части его мобильности и оплаты. Наконец, третья причина невозможности автоматического «перелива» образования в знания. Образование трансформируется в знания как фактор экономического развития только в условиях открытой экономики и демократического устройства общества⁵. Все эти обстоятельства и определяют объективную необходимость выхода зон за пределы «изолированного острова» [2, с. 251, 414] и наполнение их развития новым содержанием как институтов инновационной экономики.

Заключение

Необходимость перевода экономики на путь инновационного развития переместила вопросы развития СЭЗ как институтов инновационной экономики ближе к центру научных дискуссий. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы о социальных аспектах новых тенденций в развитии СЭЗ.

Проведенный анализ позволил выделить три тенденции в развитии зон: смена базы конкурентных преимуществ, изменение видовой структуры зон, трансформация зон в инновационные кластеры.

Смена базы конкурентных преимуществ идет в направлении перехода от конкурентоспособности, основанной на предпочтениях, дешевых трудовых и природных ресурсах, к конкурентоспособности, источник которой – высокотехнологичные процессы, организационные и экономические инновации. Социальный аспект этой тенденции видится в размывании такой ранее распространенной характеристики СЭЗ, как особый режим, регулирующий использование рабочей силы. Ограничение социальной защиты трудящихся, запрет деятельности профсоюзов в пределах СЭЗ, приостановление действий трудового законодательства, освобождение предпринимателей от уплаты взносов в фонды социального страхования перестают быть отличительными чертами СЭЗ.

Тенденция изменения видовой структуры зон обусловлена процессом исчерпания потенциала промышленно-производственных зон и зон экспортного производства. Переход к неценовым факторам конкурентоспособности товара, повышение спроса на наукоемкие товары отразились на характере деятельности таких зон. Многие из них начали трансформироваться в технопарки, а вновь создаваемые зоны образуются в форме парков. Социальный аспект этой тенденции видится в смещении акцента в привлечении инвестиций в пользу инвестиций в человеческий капитал.

⁵ Комментируя эту причину, исследователи приводят в качестве примера бывший Советский Союз. Его население было высокообразованным, уровень грамотности приближался к 100-процентной отметке. Однако из-за политической и экономической закрытости страны, ограничений на прямые зарубежные инвестиции, международную миграцию труда и международное сотрудничество рабочая сила не могла принимать, адаптировать и развивать новейшие знания в их техническом и информационном аспектах как фактора экономического роста [world, 19].

Тенденция трансформации зон в инновационные кластеры проявляется в качественно новом уровне взаимодействия университетов и научно-исследовательских институтов, старых крупных промышленных и инновационных малых предприятий. Результат такого взаимодействия – наукоемкие товары. На пути трансформации зон в инновационные кластеры можно выделить три этапа: начальный, этап кластерной трансформации, этап формирования кластеров – конгломератов науки, бизнеса и ин-

дустрии вокруг товаров, не имеющих аналогов. Социальный аспект такой трансформации проявляется в новой социально-экономической роли знания как производительной силы.

Необходимо более полное и глубокое критическое осмысление социальных аспектов новых тенденций в развитии СЭЗ как институтов инновационной экономики. Анализ мирового опыта развития СЭЗ позволит оценить возможности его использования в российских условиях.

Список использованной литературы:

1. Бергстен, Ф. (2007) Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен, Б. Гилл, Н. Ларди, Д. Митчелл / Пер. с англ. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 256 с.
2. Мозиас, П.М. (2005) Свободные экономические зоны в Китае: современный этап развития // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция / Ин-т востоковедения. Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. – М.: Вост. лит., 2005. – 311 с.
3. Пи Цяншен, Ван Кай (2006) Опыт китайских зон технико-экономического развития / Пер. с кит. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 486 с.
4. Портер М. Международная конкуренция: пер. с англ. / Под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. – Междунар. отношения, 1993, с. 39, 75-76.
5. Румянцева, Е.Е (2005) Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 724 с.
6. Рыбаков С.А. (2006) Особые экономические зоны в России. Налоговые льготы и преимущества / С.А. Рыбаков, Н.А. Орлова. – М.: Вершина, 2006. – 248 с.
7. Knowledge for Development. World Development Report. Published for the World Bank Oxford University Press. 1998/1999 – 252 p.
8. Wakasugi, R. (2005) The Effects of Chinese Regional Conditions on the Location Choice of Japanese Affiliates//The Japanese Economic Review. Vol. 56, №4, с.390-407.

Статья рекомендована к публикации 10.03.08